

которые проходили в большой секретности - запрещалось что-либо записывать, конспектировать. Занятия проводил начальник штаба дивизиона. Он рассказывал нам о новом немецком пулемете МГ-39, о большой насыщенности войск минометами. Мы слушали молча. Однажды во время занятий солдат Ильяшенко решил черкнуть домой письмешко, на что немедленно последовал окрик: «Я сказал ничего не записывать! Встать! Как фамилия?!» Прочитав отобранный у солдата листок и убедившись, что это письмо домой, он уже спокойнее добавил: «Два наряда вне очереди».

Занятия по «политграмоте» вел старший политрук Меркулов. Это был щеголеватый молодой паренек, чуть старше нас, с розовыми щеками, которых еще не касалась бритва. Он рассказывал нам о счастливой и радостной жизни, о нашей советской культуре, о пролетарском писателе Александре Максимовиче Горьком. Я, конечно, прореагировал сразу и поправил его: «не Александр, а Алексей». Политрук изменился в лице, покраснел, потом побелел, но сдержался. После занятий ребята сказали, что он мне этого не простит. Так и случилось.

Недели через две, в воскресенье, после обеда, когда у нас было «личное время», я сидел в Ленинской комнате, лицом к окну, и пищикал на растерзанном баяне, пытаясь извлечь из него какую-то мелодию. Ребята сидели рядом со мной и тоже слушали мои старания; вдруг они все разом встали, а я продолжал пищикать. Когда обернулся, то увидел у дверей старшего политрука с красной повязкой на рукаве: ДПЧ – он был дежурным по части. Политрук закричал на меня: «Вас что, команда дневального – «Батарея, смирно!» - не касается?» Я ответил, что не слышал. На это он возразил, что я нахожусь в армии, а не у тещи в гостях и должен все видеть и слышать.

- А пока за нарушение дисциплины вам 8 нарядов вне очереди!